

своды конца XV века изображают расстановку сил в Новгороде совершенно иначе, чем не-московские летописи. Московская великокняжеская летопись исполнена аристократического презрения к „смердам, убийцам, шилникам и прочим безименитым мужикам“. С глубоким негодованием сообщает она о том, что этот „безименитый“ народ, собравшийся на вече, новгородцы, по своей глупости „государем зовут себе, Великим Новымгородом“. Вопреки приведенным выше источникам, московский официальный летописец утверждает, будто именно „худые мужики вечники“ (в противовес „лучшим людям“) были социальной опорой анти-московской партии.¹

В общерусских сводах отражается идеология господствующего класса феодалов, но отражается со всей присущей ей сложностью и противоречивостью. К концу XV века образование Русского централизованного государства стало фактом; против образования этого государства, против присоединения к Москве отдельных земель и княжеств не выступает ни одна из разобранных выше неофициальных общерусских летописей.²

Но если вопрос об образовании Русского государства уже не вызвал споров в летописании конца XV века, то вопрос о внутреннем строе этого государства, о политике его главы — „государя всея Руси“ — оказывался достаточно спорным. В Типографской летописи мы встречаемся лишь с осторожным осуждением отдельных сторон великокняжеской политики — репрессий в Новгороде (после 1479 года), недостаточно решительной тактики Ивана III в 1480 году. Свод, связанный с Федором Басенком, легший в основу Ермолинской, Погод. 1409 и других летописей, идет дальше. Последовательное и злорадное высмеивание военных неудач великокняжеских войск, ироническое описание московской политики в Ярославле, наконец прямое выражение возмущения в связи с расправой над серпуховскими боярами — все это говорит о том, что определенная часть московского боярства (чьи интересы, повидимому, защищал свод) уже к началу 70-х годов стала становиться в оппозицию к великому князю, нащупывая пути сближения с недовольной местной знатью. Еще яснее говорят об этом известия свода 1489 года, лежащего в основе Софийской II—Львовской. Движимые враждой к великокняжеской власти, сторонники митрополита Геронтия заходили весьма далеко: в своде 1489 года мы встречаем прямые выражения сочувствия мятежному князю (братья Ивана III) и местному (тверскому и новгородскому) боярству; обращаясь к недавнему прошлому московских великих князей, летописец прямо обвиняет Василия II в отравлении Шемяки³ и прозрачно намекает на то, что первая жена Ивана III „тверянка“ была отравлена ближайшими советниками великого князя.⁴ Свод этот, как мы видели, выступал и против внешней политики великого князя (союз с Менгли-Гиреем и т. д.).

В большинстве случаев нам трудно уловить прямую полемику между различными летописцами (до нас ведь дошли не летописные своды конца XV века, а лишь их отражение, да и то в неполном и случайном виде). Однако сохранившиеся в летописании параллельные (и резко раз-

¹ ПСРЛ, XXV, стр. 284—286.

² В Ермолинской летописи, как отметил Шахматов, читается даже (чуть ли не впервые в русской письменности) необычное именование московского великого князя „православным великим осподарем, во всей подсолонечной сущим“ (ПСРЛ, XXIII, стр. 157; ср.: А. А. Шахматов. Ермолинская летопись. . . , стр. 10).

³ ПСРЛ, XX, стр. 262, в Софийской II известия за этот год (и за весь период 6955—6961 годов) заимствованы из Московского свода (ПСРЛ, VI, стр. 180; ср.: ПСРЛ, XXV, стр. 273).

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 186; XX, стр. 277.